

Ландина Л. В.

Белорусский государственный университет культуры и искусств, (г. Минск, Республика Беларусь)

**СООТНОШЕНИЕ ПОДХОДОВ В ИЗУЧЕНИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО И РОССИЙСКОГО
АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI в.**

Изучение государственных институтов традиционно занимает ведущие позиции в историографии любого государства в любую эпоху. Даже советская историческая наука, акцентировавшая внимание на социально-экономическом развитии и классовой борьбе, не была в этом смысле исключением. Во-первых, марксистской методологией вовсе не отрицалась активная роль государства и обратное воздействие надстройки на экономику и общество. Во-вторых, изучение революций предполагало экскурс в предреволюционную эпоху с целью охарактеризовать старую власть и доказать неизбежность революции – будь то в Англии, Франции или России. В последнем случае характеристика российской монархии должна была убедить не только в неизбежности трех российских революций, но и в легитимности власти большевиков. По этой причине проблема абсолютизма, как российского, так и западноевропейского, была в числе важнейших и неоднократно становилась предметом дискуссий.

В российской дореволюционной и постсоветской историографии абсолютистские монархии рассматривались и рассматриваются с иными установками, входя в число важнейших направлений исследований. Весьма продуктивно сопоставление подходов российских историков в изучении абсолютизма российского и западноевропейского на протяжении конца XIX – начала XXI в. Такая «longue durée» – длительная продолжительность – приводит к более масштабным выводам, чем рассмотрение развития концепта абсолютизма в отдельные периоды.

В дореволюционной российской историографии осмысление абсолютизма западноевропейского и российского изначально развивалось в различном ментальном поле. Российская историография с момента своего становления главное внимание уделяла изучению государства, утверждая правомерность и легитимность российской монархии. Хорошо известно оформление тезиса «Москва – Третий Рим», развитие идеи суверенитета монарха-самодержца, подчеркивание особого духовного единения царя и

народа, «симфонии» церковной и светской власти, уходящей корнями в византийскую традицию. То есть российское самодержавие и царь-самодержец — это многослойная ментальная конструкция. Российская монархия традиционно именовалась самодержавием — от становления до последнего дня официального существования. При этом монархи, их деятельность могли вызывать как уважение и преклонение, так и критику и ненависть. Все зависело от идейных воззрений историка или публициста, диапазон которых варьировался от монархического до революционно-демократического. Что же касается термина «абсолютизм», то в российской общественной и научной мысли он ассоциировался с Западом, рационализмом, отсутствием духовной связи царя и народа, всевластием бюрократии. Это — полицейское, «регулярное» государство, созданное Петром I. Не случайно наречие «абсолютно» применительно к власти появляется в петровскую эпоху в «Истории о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях» князя Б. И. Куракина. Так, Куракин пишет: «Князь Борис Алексеевич Голицын сидел в Казанском дворце и правил весь Низ так абсолютно, как бы был государем» [3, с. 63]. И далее об усилении власти Петра I и его неприязни к родовитым фамилиям: «К тому же и сам его величество склонным явился, дабы уничтожением оных отнять у них повоир (rouvoir — *фр.: власть*) весь и учинить бы себя наибольшим сувереном» [3, с. 64].

Термин «абсолютизм» далеко не сразу был признан и в политике, и в науке. Можно согласиться с российским исследователем Ю. А. Сорокиным, утверждавшим, что в русских письменных источниках, и прежде всего, в законодательстве, он «фактически не отложился» [14, с. 10]. Термины «самодержавие» и «абсолютизм» применялись в различном идейном контексте. Для монархически настроенных историков и публицистов самодержавие есть органическое российское явление, а абсолютизм, насаждаемый Петром I — явление чуждое, разорвавшее единение царя с народом. Для либералов абсолютизм, наоборот, благо, так как он восходит к идеям Просвещения и общего блага [14, с. 18–19].

Однако это разграничение не было всеобъемлющим. Например, марксистская мысль сближала оба термина вплоть до синонимичности, что впоследствии создаст почву для споров о том, что именно в виду имел В. И. Ленин, применяя оба понятия в том или ином контексте. Так, в работе «Попытное направление в русской социал-демократии» он не только дал определение термина «абсолютизм», но и продемонстрировал его смысловую идентичность с термином «самодержавие». По контексту речь идет о низвержении абсолютизма революционной рабочей

партий. «Но что такое низвержение *абсолютизма* (курсив здесь и далее мой. – Л. Л.)?» – формулирует Ленин главный вопрос и указывает: «Чтобы разъяснить это... необходимо ответить сначала на вопрос: что такое *самодержавие*?» [10, с. 251] И далее следует известное определение: «*Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия)* есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю...» [10, с. 251–252]. Обращает на себя внимание дальнейшее утверждение: «Что же значит ниспровержение *абсолютизма*? Это значит отказ царя от неограниченной власти... Итак, ниспровержение *самодержавия* означает замену самодержавной формы правления конституционной формой правления» [10, с. 252].

При изучении монархии дореволюционными историками был ведущим правовой подход. Ярким подтверждением этому является государственная школа, расцвет которой пришелся на вторую половину XIX в. Соединение правового подхода с позитивизмом обусловил взлет российской историографии, связанный с деятельностью В. О. Ключевского. Его работы – пример того, что, наряду с государственными, российская историография уделяла большое внимание социально-экономическим и географическим факторам. Так, по Ключевскому, период Российской империи и абсолютизма – «период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческий и фабрично-заводской» [8, с. 34].

Изучение западноевропейского абсолютизма основывалось в России на иной мотивации. Петровские реформы дали мощнейший импульс не только контактам России с Западом, но и пробудили интерес к истории европейских стран. Ее изучение позволяло не только расширить кругозор, но, что особенно важно, сопоставить историю России и Западной Европы, чтобы понять, с одной стороны, российскую самобытность, а с другой, – оценить целесообразность заимствований с Запада.

Дореволюционная российская историография в период своего становления опиралась на западноевропейскую идейную и нарративную основу. Впервые термин «абсолютизм» был применен в лекционном курсе 1858/59 гг. С. В. Ешевского, где шла речь о становлении принципа в Риме – истомленное гибелью республики Римское государство признало власть Августа как условие мира и спокойствия [6, с. 125–126]. В интерпретации Ешевского абсолютизм – авторитарная власть, необходимая во имя высшей цели: «Как переходное состояние, как возможность ... лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое

оправдание, даже проявляясь в суровых, жестких формах... [6, с. 126]. Однако, ставший самоцелью, «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества» [6, с. 126].

Трактовка С. В. Ешевского весьма показательна. В первую очередь, налицо правовой подход – абсолютизм выступает как этап в развитии государства. Неоспоримой ценностью определена свобода, на время попранная абсолютизмом. Такое понимание абсолютизма, применительно к новоевропейскому государству, утвердилось далее в российской дореволюционной науке и выглядело следующим образом. Абсолютизм – это закономерная форма управления, необходимая для централизации, гражданского мира и создания условий для свободного развития экономики. Однако самодовлеющий абсолютизм – подавляющая регрессивная сила, устранить которую должна буржуазная революция. Отсюда – традиционный для либеральной историографии тезис «вынесения приговора и предъявления счета» абсолютной монархии. Таким образом, в дореволюционной либеральной историографии абсолютизм рассматривался как закономерное явление и «необходимое зло», а в перспективе – предпосылка буржуазных революций.

В отличие от специалистов по истории России, представлявших различные идейные течения, историки, занимавшиеся Западной Европой, практически все были либералами, хотя и в разной степени. Всеобщая история являлась идейной пищей для российской либеральной мысли, черпавшей в ней положительные примеры для пореформенной России. В последней трети XIX в. сформировалась основанная на методологии позитивизма и либеральных идеях «русская школа» всеобщей истории. Доминирующим в указанном дискурсе был правовой подход, главными факторами генезиса абсолютной монархии считались возродившаяся в европейском обществе римская идея абсолютной власти и разложение феодализма как сеньориального порядка.

Например, Н. И. Кареев считал абсолютизм государством, где общество исключено из управления, осуществляемого верховной властью через чиновников. Это общество сословных привилегий, полицейское государство с всепроникающей опекой и преклонением перед государственностью в ущерб гражданским правам [7, с. 2–8]. Абсолютизм был сокрушен Французской революцией, которая стала любимой темой российских новистов. Тогда же появился и стал применяться наряду с «абсолютизмом» термин «старый порядок», обозначающий государственные и социальные институты дореволюционной Франции и их аналоги в других странах. Проводя параллели между западноевропейским и рос-

сийским абсолютизмом, Кареев относил крушение «старого порядка» в России 1905 г. [7, с. 5].

Считая главными в генезисе абсолютизма правовые факторы, дореволюционные новисты-либералы уделяли внимание и социально-экономическим предпосылкам, что соответствовало позитивистской многофакторности в объяснении исторического процесса. Например, коллега Н. И. Кареева П. Н. Ардашев, традиционно отводя первое место в формировании абсолютизма правовой идее, указывает на такие важнейшие социально-экономические составляющие абсолютной монархии, как освобождение крестьян, рост городов, разрушение натурального хозяйства, формирование рынка и буржуазии, усиливавшей свое влияние в связи с увеличением роли государственного кредита [2, с. 13–19].

Таким образом, в российской дореволюционной историографии налицо разница подходов к проблемам российского и западноевропейского абсолютизма. Более поздняя по времени, иная по мотивации, достаточно однородная в плане методологии и либеральной направленности, интерпретация западноевропейского абсолютизма выходила в итоге на его сдержанную и отрицательную оценку.

Октябрьская революция вызвала радикальную методологическую перестройку в советской исторической науке. И 1920-е г. можно выделить как особый, переходный период, в котором временно сосуществовали различные методологические подходы. При этом изменения были неравномерными, в ряде случаев наблюдалась методологическая преемственность установок дореволюционной и советской историографии.

Наиболее яркий тому пример – минимальная трансформация концепта западноевропейского абсолютизма. Так, его ценностная составляющая вообще не претерпела изменений. Абсолютизм не приветствовали ни либералы, ни тем более большевики. Революционные ценности импонировали либералам, по крайней мере, теоретически, и были принципиально важны для большевиков. По этой причине западноевропейский абсолютизм остался терпимым «необходимым злом» и предпосылкой буржуазных революций. В методологическом плане также сохранилась известная преемственность, коренившаяся в том, что и либеральная идея, и марксизм принадлежали западноевропейской философской и историографической традиции.

Переходный период раннего Нового времени, мануфактурный капитализм в сочетании с крепостным правом и сословностью породили многочисленные дискуссии, стержнем которых была роль дворянства и буржуазии при абсолютизме. В 1920-х гг., согласно установкам «школы

Покровского», возобладали идея «абсолютизм – государство периода торгового капитала». В соответствии с ней, абсолютизм был едва ли не государством буржуазии либо опирался на буржуазию и дворянство одновременно. Однако по мере установления идеологического и методологического монизма к середине 1930-х гг. был выработан надолго утвердившийся в советской историографии тезис о том, что абсолютизм является дворянским государством, учитывающим, в силу государственных выгод, интересы буржуазии. Эта концепция не была новой, так считали и дореволюционные историки. Однако они не делали столь категоричных выводов о классовой сути абсолютизма, подчас рассматривая последний в роли социального арбитра [9].

В советской историографии данная теоретическая конструкция стала называться концепцией «равновесия». В наиболее полном виде она была сформулирована С. Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме» в 1941 г. Основываясь на классиках марксизма, Сказкин утверждал, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые сословия, в первую очередь дворянство, разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии. При этом ни одна из сторон не взяла еще перевеса над другой. По причине такого равновесия сил государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними [13, с. 12–13]. Поскольку государство – продукт классовых противоречий, то «сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, является диктатура класса феодалов» [13, с. 9]. В ужесточившемся дискурсе советской исторической науки был отменен термин «старый порядок», на смену которому пришел «феодально-абсолютистский строй».

Интерпретация российского абсолютизма советской исторической наукой, наоборот, претерпела радикальные изменения. Все немарксистские его трактовки были категорически отвергнуты. Пройдя этап признания российского абсолютизма государством торгового капитала, к концу 1930-х гг. советские историки и в отношении российской монархии приняли концепцию «равновесия». С этого момента методологическая разница в понимании абсолютизма в Западной Европе и России ликвидировалась. Доминирующим стал социологический подход, воплощением которого явилась концепция «равновесия», а правовые аспекты в формировании абсолютизма заняли периферийное положение, особенно при рассмотрении абсолютных монархий в Западной Европе. Была создана единая формационная схема, где на основе марксизма де-

монстрировалась общность исторического развития Европы и России и правомерность установок марксизма на российской почве. Соответственно, стали синонимами термины «абсолютизм» и «самодержавие» и оказались неприемлемыми славянофильские, евразийские и монархические идеи своеобразия российских государственных институтов.

Свергнутая российская монархия могла быть только негативной. Она стала называться «царизмом», более нейтрально – «самодержавием», а Россия времен абсолютизма приобрела эпитет «феодально-крепостническая». Отныне вести разговор о конструктивной роли российской монархии или персоналиях российских царей стало неприемлемым в официальном дискурсе. Единственным исключением был Петр I, европеизировавший Россию и превративший ее в империю с абсолютной монархией. Но и он, по мнению советских историков, не смог преодолеть своей классовой ограниченности [11, с. 34].

Постепенно в советской историографии начали осознаваться узость и проблематичность только социологического подхода. Это проявилось уже во время Советско-итальянской встречи историков в апреле 1968 г. [5], а в полном масштабе назревшие проблемы в изучении абсолютизма развернулись на проходившей в 1968–1972 гг. дискуссии об абсолютизме. Эта дискуссия до сегодняшнего дня не осмыслена до конца, и скоропалительные оценки ее как практически безрезультатной не соответствуют реальным итогам. Можно назвать ряд перспективных установок в изучении абсолютизма, выработанных в ее ходе. Во-первых, в ходе дискуссии был предложен продуктивный метод сравнительного анализа абсолютных монархий. Во-вторых, А. И. Чистозвонов сформулировал весьма удачное в то время определение абсолютизма, который «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом» [16, с. 62]. В-третьих, было указано на недопустимость упрощенного понимания «равновесия», которое все более представлялось как некий баланс сил в конкретном обществе. В-четвертых, концепция «равновесия» была признана непригодной для исследования российского абсолютизма по причине явно не достаточного развития буржуазных отношений в России. Наконец, дискуссия показала возможность методологического маневра, когда был достигнут

максимум возможного в рамках одной марксистской парадигмы. Но дискуссия в принципе не могла дать однозначного ответа о сущности абсолютизма и процессах, качественные и количественные границы которых размыты. Она показала предел социологического подхода, который, в свою очередь, был частным проявлением общего кризиса социальной истории в то время.

Вторая половина 1980-х гг. и новые идеи в исторической науке коснулись концепта абсолютизма. Историограф-медиевист Е. В. Гутнова в написанной в 1989 г. статье «Государство в структуре и эволюции феодального общества» указала на недостаточное внимание советской медиевистики к проблемам государственных институтов. Она акцентировала внимание на вопросах, которые впоследствии сформируют проблемное поле в изучении западноевропейской абсолютной монархии: центральная власть и местное управление, деятельность аппарата управления, социальная политика, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, наконец, личностный фактор [4, с. 252–260]. Концепция «равновесия» была отвергнута уже не только в отношении российского, но и западноевропейского абсолютизма. При этом социологический подход оставался господствующим. С конца 1980-х гг. в историческую науку был возвращен термин «старый порядок» и постепенно вышел из употребления «феодально-абсолютистский строй», равно как и «царизм» и «феодально-крепостнический строй». Из работ, посвященных политическим институтам западноевропейских стран, постепенно исчезли ссылки на классиков марксизма. Рубежным стал 1989 год, когда отмечалось двухсотлетие Французской революции и был подвергнут ревизии целый массив устоявшихся представлений, в том числе и о «старом порядке».

Знаковым стало появление книг, посвященных государственным деятелям периода абсолютизма. В России – Елизавете Петровне (несмотря на нейтральное название книги – «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра», именно императрица находилась в центре внимания автора. – Л. Л.) [1], во Франции – Ришелье [15] и Кольберу [12]. Наконец, принципиальным стал ценностный разворот в отношении абсолютизма – он перестал подвергаться лишь негативным оценкам и рассматриваться лишь как «необходимое зло» и причина революций. На первое место выходила личность, а не система, отношение к которой также менялось. Абсолютная монархия, во всем многообразии проблемного поля, начала рассматриваться как самоценный объект исследования.

Разрушение СССР и утрата позиций марксистской методологией привели к изменениям ориентиров в обществе и исторической науке. Существенно снизился интерес к революциям и классовой борьбе, на смену революционным приоритетам пришли традиционалистские. Как в российской, так и во всеобщей истории центральное место в исследованиях заняла власть – самодостаточный феномен и всевозможные аспекты ее существования. Это психология и презентация власти, двор и его функционирование, символика и атрибутика власти, политическая культура и ментальность, механизм принятия решений и состав правящей элиты, личность во власти, ее психология и окружение и т. д. Уже не первое десятилетие разрабатываются такие комплексы проблем, как «власть – общество – реформы», «власть – культура – социум», «власть – общество – личность», «абсолютизм и конституционализм», «традиционализм и модернизация» и многие другие. Особое место в работах историков заняли персоналии монархов и их окружения. Однако было бы ошибкой полагать, что отношение к правителям радикально изменилось. Их образы стали гораздо сложнее, многослойнее, противоречивее. Но даже при самом лояльном отношении, например, Людовик XVI не предстал энергичным интеллектуалом и талантливым правителем, а Николай II, несмотря на канонизацию, – воплощением государственной силы и мудрости. Нужно отметить, что при изучении монархий среди историков – медиевистов и новистов – сохраняется определенная общая позиция. Специалисты же по истории России, напротив, представляют различные точки зрения – от критических либеральных до охранительных монархических.

Российская историография вошла в европейское научное пространство, что особенно сказалось на изучении всеобщей истории. Сформировались и развились такие направления исследований, как история элит, потестарная имагология, просопография, история повседневности, микроистория и т. д. Все указанное иллюстрировало, наряду с методологическим кризисом и поисками, присутствие постмодерна в российской исторической науке. Однако «конца истории» не произошло – цивилизационный подход смягчил методологическую ломку и выход на методологический плюрализм. Тем не менее, появились проблемы методологической и понятийной ревизии, ухода в микросюжеты, гносеологического пессимизма, терминологического и нарративного кризиса, преодоление которых продолжается и сегодня.

В изучении западноевропейского и российского абсолютизма на первое место вышел правовой подход, однако социологический ни в коей

мере не игнорируется. Более того, сведение огромного комплекса проблем абсолютизма только к двум указанным представляется недостаточным. Более глубокое осмысление абсолютизма требует понимания его в ментальном, сакральном, социокультурном, психологическом ракурсах – необходимо построение и адаптация концептуальной модели абсолютизма с учетом современных методологических реалий. Чрезвычайно перспективным представляется компаративное исследование абсолютизма в различных странах, а также сопоставление исторических судеб тех государств, где были абсолютные монархии, и тех, где их не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М. : Мысль, 1986. 239 с.
2. *Ардашев П. Н.* Абсолютная монархия на Западе. СПб. : Тип. Акц. Об-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. 183 с.
3. *Архив князя Ф. А. Куракина* / Под ред. М. И. Семевого. В. 10 кн. СПб. : Тип. Балашева, 1890–1902. Кн. 1. Бумаги князя Б. И. Куракина 1676–1717 г. Письма Петра Великого. Гистория. Дневник и путевые заметки. 1890. XXVI. 387 с.
4. *Гутнова Е. В.* Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М. : Наука, 1989. С. 247–260.
5. Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. М.: Наука, 1970. 374 с.
6. *Ешевский С. В.* Сочинения. Часть первая. М. : Тип. Грачева и К. 1870. 576 с.
7. *Кареев Н. И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 452 с.
8. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956–1959. Т. 1. 427 с.
9. *Ландина Л. В.* Понятие абсолютизма в советской историографии 1920–1930-х годов: преемственность или дискретность? // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М. : Наука. 2017. Вып. 78 (1–2). С. 326–345.
10. *Ленин В. И.* Попытное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. : в. 55 т. М. : Политиздат, 1971–1975. Т. 1. С. 240–273.
11. *Ляховіч Л. У.* Ад класавога падыходу – да псіхагісторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2013. № 9. С. 33–45.
12. *Малов В. Н. Ж.* -Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. : Наука, 1991. 240 с.

13. *Сказкин С. Д.* Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1941. Т. 3. Вып. I. С. 3–25.
14. *Сорокин Ю. А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: Монография. Омск Омск. госуниверситет, 1999. 322 с.
15. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М. : Междунар. отношения, 1990. 384 с.
16. *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.

Ларионов Д. Г.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

КОНСЕРВАТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

II Ватиканский Собор (1962–1965) Католической Церкви занимает особое место в церковной истории. Будучи не догматическим, а сугубо пастырским, он принял ряд документов, реализация которых привела к глубоким преобразованиям в церковной практике и политике. Решение о созыве Собора было принято Папой Иоанном XXIII (1958–1963), который приступил к программе обновления и реформирования Церкви – «аджорнаменто». По сути, Собор стал составной частью «аджорнаменто», придав ему каноническое оформление в виде коллегиального решения соборных отцов.

Разумеется, столь мощные сдвиги в таком консервативном и влиятельном институте, как Церковь, не могли не привлечь внимания различных исследователей. Ход Собора освещали многочисленные журналисты, его решения интерпретировали теологи, философы, историки, политики. С самого начала определилась тенденция: подобно тому, как в самой Церкви наличествовали две противоборствующие группы (сторонники обновления и сторонники традиции), так и в среде исследователей выделились сторонники и противники того курса, который выбрала Церковь. При этом особенно показательным является отображение в литературе представителей консервативного крыла, оказавшегося в двойном меньшинстве. С одной стороны, им противостояло большинство остальных участников Собора во главе с самим Папой, с другой – против них было настроено мировое общественное мнение.